

ВЫСШИЕ ЦЕННОСТИ В УЧЕНИИ В.С. СОЛОВЬЕВА

С.А. Ан

Русская религиозная философия всегда сопряжена с глубинными процессами духовной жизни человека, перестройка которых непосредственно затрагивает его фундаментальные ценности. Философы всеединства обосновывали настоятельную необходимость выработки всеобщего мировоззрения, включающего в себя как идеальную модель мира, так и принципы деятельности человека. Они настаивали на обязательности осмысления основ социального развития человечества. Поэтому философия Вл. Соловьева, в основе которой лежит обоснование фундаментальных ценностей человека, представляется актуальной. В одном из своих писем Вл. Соловьев замечает: «Я не признаю существующего зла вечным, я не верю в черта. Сознвая необходимость преобразования, я тем самым обязуюсь посвятить всю свою жизнь и все свои силы на то, чтобы это преобразование было совершено. Но самый важный вопрос: где средства?» [1, с. 87-88]. Эти средства - в нравственном развитии человека.

Нравственная философия Вл. Соловьева является своеобразным завершением развития нравственной философии в России в XIX веке. Русские философы XIX в. - продолжатели восточно-христианской традиции «взыскующей нравственности», этических абсолютов, хотя каждая эпоха русской истории характеризовалась особым нравственным настроением, что отражалось в соответствующих моральных учениях. Абсолюты, которые питают русский ум и русский характер, выражаются в отечественной философии в категориях добра и зла мира. Для русского сознания «добро» - это порядок, религиозно-метафизическое основание мира, на которое опираются и жизнь человечества, и даже устройство всего космоса.

Нравственность имеет два источника возникновения и развития. Она вырастает из труда, быта и досуга органических социальных общностей и опирается на хозяйственно-бытовой и политический уклад жизни, укоренена в деятельности социальных институтов. Второй источник находится в вечных и универсальных духовных ценностях, которые по-разному осознаются и выражаются в религии, философии, утверждающих, что нравственность - это жизнь духа во всем её богатстве.

В. С. Соловьев отдает предпочтение религиозному основанию. Он пишет, чтобы «...дать средоточие и целостность разорванному и омертвелому человечеству, через соединение его с всецелым божественным началом» [2, с. 284], необходимо принять «утверждение известного порядка мировой жизни - всеединства» [3, с. 354]. А содержание всеединства раскрывается через диалектику конечного и бесконечного, относительного и абсолютного, через полноту и всеобщность взаимосвязи творца и его творения. Всеединство - это высшая гармония, к которой неустанно стремится человечество.

Творчество как ценностное качество человека Вл. Соловьев связывает с его самосовершенствованием, поскольку созданный Богом мир, как полагал философ, - это бесконечный процесс непрерывного развития, совершенствования. И человек в этом процессе - не безличный элемент, а тоже творец, сотворец, он участвует в просветлении Хаоса, в достижении гармонии. Значит, человек не подавляется миром, не теряется в нем, как ничтожная песчинка; он есть часть, пусть небольшая, но необходимая часть мировой гармонии, истинного «всеединства». В. С. Соловьев называл истинным или положительным всеединством такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Он подчеркивал, что истинное единство сохраняет и улавливает элементы, осуществляясь в них, как полнота бытия. Такое единство он противопоставляет ложному, подавляющему все входящие в него элементы. Единство, основанное на подавлении, - это пустота. Человек - творец. Он тоже участвует в просветлении мира, придании ему порядка.

Мыслитель ставит творческий акт человеческой деятельности в зависимость от работы его души, которая способна не только преобразовывать природу в материальном плане, но и одухотворять её. Соловьев убежден в том, что плотские ценности стремятся связать душу с поверхностью природы, с материальными вещами и процессами и превратить внутреннюю потенциальную бесконечность человечества в дурную, внешнюю безмерность страстей. Совесть, уже в основной элементарной своей форме - стыде, осу-

ждает этот процесс как недостойный, а разум показывает, что он пагубен и почему он пагубен: чем более душа расточается наружу, на поверхность вещей, тем менее у нее остается внутренней свободной силы, чтобы проникнуть до существа природы и овладеть им. Ясно, что человек может действительно одухотворить природу или возбудить и поднять в ней внутреннюю жизнь только от избытка собственного одухотворения, и столь же ясно, что собственно одухотворение человека может совершаться только за счет его внешних, наружу обращенных духовных сил и стремлений. Сила и стремления души должны вбираться внутрь и через это возрастать в своей интенсивности, а усиленное в себе, могучее и одухотворенное существо человека будет уже соотноситься не с вещественностью, поверхностью природы, а с её внутренней сущностью.

Требуется вовсе не отречение человека от внешнего воздействия на природу и от культурного труда, а только перестановка жизненных сил и волевого центра тяжести, то есть, смена ценностных ориентаций с низших - на высшие. Внешние предметы, за которыми большинство людей страстно гонятся как за целями, связывая с ними и тратя на них свои внутренние, душевные силы, чувства и волю, должны стать всецело лишь средствами и орудиями, а внутренние силы, собранные и сосредоточенные в себе, должны быть приложены как могучий рычаг, чтобы поднять тяжесть вещественного бытия, подавляющего и рассеянную душу человека, и раздробленную душу природы.

Творческую активность человека Соловьев связывает с еще двумя ценностями - с красотой и добром. Каким образом? Через утверждение красоты, противопоставляя её безобразию, уродству во всем - в природе, в отношениях между людьми, да и в собственной душе человека. Философ так же обращает внимание на то, что красота, очищение от уродства - это не самоцель. Торжество красоты неразрывно связано с поисками истинного, правдивого знания, с добром и нравственностью. Но, чтобы творить добро, человек должен быть свободным. Без этой свободы человек не может успешно осуществлять свою главную цель - «соединить небо и землю», Бога - с мертвой материальностью. Именно поэтому человек рассматривается как существо духовно-активное в любом случае.

Творчество как ценность лежит и в основе предметного знания. Познание мира ве-

щей мыслитель рассматривает как основу предметного знания. Познание мира вещей философ называет неким психическим творчеством, в процессе которого истина предмета состоит, во-первых, в его действительности, во-вторых, в его универсальности. В связи с этим предпосылкой и условием познания должны быть вера в существование предмета, воображение его сущности и, наконец, творческое воплощение идеи в ощущениях и эмпирическом опыте. Как это возможно?

Импульсом к интенсивной разработке ценностной проблематики в России послужила рецепция неокантианства. Однако в целом проблемное поле, в границах которого обретал содержательную трактовку вопрос о природе аксиологического отношения, охватывало, главным образом, область отношений ценностей и бытия, культуры и жизни, и вопрос этот ставился в связи с центральной темой русской мысли - преображение человека и космоса. Как основополагающий принцип философии культуры последователями Канта была воспринята его идея о том, что во всем, что человек привык принимать за данное, присутствует уже трансцендентальный синтез по сверхэмпирическим законам «сознания вообще». С этих позиций проблема всеобщих оснований культуры могла ставиться лишь как проблема оснований субъективных. Для отечественной мысли принципиальным был вопрос об объективных основаниях культуры, о связи природных и культурных феноменов с сущим. Разграничение по ценности мыслилось возможным лишь на основе принципа «метафизической авторитетности», определение места ценностей в общем порядке бытия представлялось условием обоснования их необходимости.

Для отечественной мысли принципиальным был вопрос об объективных основаниях культуры, о связи природных и культурных феноменов с сущим. В значительной степени этот подход был задан философией В. С. Соловьева, влияние которой на русскую религиозную философию ценностей трудно переоценить. В философии Соловьева, как мы могли убедиться, исходное представление об онтологической универсальности ценностей в абсолютно-сущем служит основанием для истолкования более частных, но не менее важных аспектов ценностного отношения. Во-первых, отметим значение идеи Соловьева о бесконечности человеческой личности. «Человеческая личность, и, следовательно, каждый единичный человек есть возможность для существования неограниченной действи-

тельности, или особая форма бесконечного содержания, - писал он, подчеркивая, что бесконечность человеческой личности есть аксиома нравственной философии» [4, с. 282]. Существует восходящая еще к кантианцам, но устойчивая до сих пор традиция трактовки культуры как мира воплощенных ценностей. В таком определении культуры игнорируется её динамический характер, её обращенность не только к прошлому, но и к будущему. Соловьев же, утверждая бесконечность человеческой души, открывает путь к пониманию ценностей как единства ставшего и становящегося, поскольку объектом ценностного отношения является и уже имеющееся как данность, и существующее лишь виртуально.

Во-вторых, сопряженность с высшими рангами бытия сообщает ценностям абсолютный характер, проводит отчетливую границу между безусловными ценностями, с одной стороны, и принципом пользы, - с другой. Отсюда - провозглашение безусловного достоинства человека, не зависящего от его природных качеств или общественной полезности. Таким образом, достоинство человека рассматривается как одна из высших ценностей.

Для социально ориентированной философской мысли России постоянным предметом полемики стала проблема общественного идеала как одной из высших социальных ценностей. Сегодня, когда проблема самоотречения России является предметом политических дебатов, безусловно, актуальным представляется обращение к ней в том виде, в котором она была поставлена в творчестве классика русской философии В. С. Соловьева.

Размышляя о судьбах человечества, русский мыслитель полагал, что каждая нация призвана выполнить в мире особое, только ей определенное Богом христианское предназначение. Он утверждал, что «идея нации есть не то, что она сама думает о себе, а то, что Бог думает о ней в вечности» [5, с. 220]. Одну из важнейших задач своего творчества он видел в уяснении миссии России, предзаданной Богом.

О великом религиозном призвании России философ написал в своей работе «Три силы» (1878). В ней он находил, что такие две силы человечества, как «мусульманский восток» и «западные цивилизации» исчерпали себя. Первая впала в «твердыню мертвого единства», подавляющего полностью индивидуальность человека; другая, утверждаю-

щая идеал «безбожного человека», породила на Западе «всеобщий эгоизм и анархию». Третья сила, способная сообщить живую душу, «дать жизнь и целостность разорванному и омертвелому человечеству», ниспослана русскому народу как высшая ценность, ибо он должен быть объединяющим началом, «посредником между человечеством и божественным миром».

Позже в творчестве Соловьева все отчетливее просматриваются мысли о жертвеннически-пассивной участи России в судьбах человечества. В работах 80-х годов он начинает говорить не столько об объединяющей, сколько о «примиряющей» миссии России в мире [6, с. 74]. Объяснить причины такого мыслительного поворота в интеграции задач России у Вл. Соловьева можно, обращаясь к пониманию им сути патриотизма. Задаваясь вопросом о том, совпадает ли истинный патриотизм с желанием благополучия и могущества своей нации, философ приходит к выводу, что это далеко не всегда так. В противном случае патриотическими можно было бы назвать деяния англичан, которые морят голодом голландцев, давят индусов, насильственно отравляют опиумом китайцев, грабят Египет.

Формулируя содержание русской идеи, Вл. Соловьев пишет: «Чтобы познать истинную русскую идею, нельзя ставить себе вопросы, что сделает Россия через себя и для себя, но что она должна сделать во имя христианского начала во благо всего христианского мира, частью которого она предполагается» [7, с. 229]. В иерархии ценностей христианское и общечеловеческое представлялось философу выше национального.

Нужно подчеркнуть, что Соловьев стремился избежать космополитизма и неоднократно подчеркивал, что его понимание самоотречения России не есть самоотречение в грубом физическом смысле, «не самоубийство, а самоотречение в смысле чисто нравственном, т. е. как приложение к делу... лучших свойств русской народности... истинной религиозности, братолюбия, широты взгляда, веротерпимости, свободы от всякой исключительности» [8, с. 310].

Отождествление национально-своеобразной формы раскрытия всечеловеческой сущности России со «свободой от всякой исключительности», «духовным смирением», а также откровенной симпатии Вл. Соловьева к католицизму приводили его оппонентов к мысли о том, что он на деле не столько утверждает действительно эту самобытность,

сколько отрицает её. Этому способствовало и утверждение философом того, что специфические народные черты не свойственны русско-славянскому культурно-историческому типу, а есть предмет произвольных чаяний и гаданий. Такая позиция вызвала бурную полемику и отпор у ряда современников Вл. Соловьева, например, у Б.Н. Чичерина, Н.Я. Данилевского, А. И. Аксакова, Е.Н. Трубецкого и других мыслителей. Так, В.Н. Чичерин видел в подобной позиции проповедь недеяния и созерцательности, которые являются недопустимыми при огромности и неотложности тех творческих задач, которые стоят перед Россией. Подобное самоотречение России есть, по его мнению, не что иное как «отречение от собственной природы, от вложенных в человека сил, от того, что составляет цель развития, наконец, от самой возможности развития» [9, с. 188].

Автор известной теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевский увидел в идее смирения и самоотречения России простое подчинение задач славяно-русского культурно-исторического типа германо-романской цивилизации. Причину такой позиции Соловьева он находил в постоянном стремлении философа к отвлеченному схематизму и априоризму, а также в корне неверном тезисе об изначальной исторической противоположности Запада и Востока, приписывании первому культуры, поощряющей самостоятельность человека, а другому - полного подчинения человека сверхчеловеческой силе. Также порочной расценивал Данилевский и идею самоотречения России во имя создания всемирной теократии с духовным центром в Риме - излюбленный идеал Вл. Соловьева 80-х годов. Настоятельной считал он нравственную основу такого союза - подчинение России «общечеловеческим» интересам. Понятие «общечеловеческого», с его точки зрения, настолько отвлеченно, что «желать быть им - значит желать довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности» [10, с. 123].

Таким образом, поставив проблему самоотречения России в своих работах, Вл. Соловьев не нашел союзников ни в лагере западников, ни в лагере славянофилов. Одни упрекали его в проповеди недеяния и мистицизме, порожденном неверно понятой национальной идеей. Другие - в предательстве национально-культурных интересов. Для нас же интересны в данном случае уроки этой полемики, важно выявление её ценностных ориентаций. Их непреходящее значение заклю-

чается, прежде всего, в том, и в этом прав был Чичерин, что подлинная реализация сущностного потенциала нации возможна лишь при условии творческого преодоления, решения реально назревших проблем. Утверждение же страдательности, созерцательности, «инстинктивного» ожидания вместо претворения в жизнь, стоящих перед нацией задач, всегда оборачивается ситуацией надолго разлагающей творческие силы народа.

Кроме того, упрекая Вл. Соловьева в проповеди страдательности и пассивности, Б.Н. Чичерин не брал во внимание, что, говоря о христианском призвании России, Вл. Соловьев имел в виду все-таки не материальную сторону вопроса. Он жаждал всемирного братства людей и обращал внимание, как и Ф. М. Достоевский, на то, что именно к этому всечеловеческому единению более всего склонно русское сердце.

Полемика между Вл. Соловьевым и Н. Данилевским свидетельствует о сложности нахождения той грани между общечеловеческими и национальными ценностями, когда одно не реализуется в ущерб другому. Прав был Соловьев, когда, защищая в полемике с Данилевским идею вселенскости христианства, писал о том, что идея человечества как живого целого (а не как отвлеченного понятия и не как агрегата)... вошла, еще с первых времен христианства, в духовные инстинкты мыслящих людей, что ни о каком-нибудь культурно-историческом типе заботился апостол Павел, когда распространял христианство, а проповедовал объединение всего человечества во Христе.

Однако и позиция Данилевского имела под собой веские основания. Говоря о самобытности различных социально-культурных типов, русский социолог не хотел опровергать идею вселенскости христианства с его абсолютными ценностями, а видел свою задачу в научной констатации и изучении реальных законов рождения, роста и гибели цивилизаций. Он указывал на конкретные факторы, представляющие собой реальную угрозу для превращения русско-славянского культурно-исторического типа в «этнографический материал».

Вл. Соловьев, со своей стороны, был убежден, что для воплощения в жизнь своей глубинной идеи Россия должна осуществить всехристианское, стоящее превыше специфически самобытных духовных и национальных её интересов. Как верно заметил Е.Н. Трубецкой, Вл. Соловьев был «апосто-

лом вселенскости христианства». Он ощутил, что «за этой задачей скрывается вопрос о жизни и смерти не только России, но всего человечества» [11, с. 464].

Русская нация, сложившаяся вместе с иерархией ценностей, всегда отличалась огромной жизнеспособностью и упорством. Готовность ее представителей идти на жертвы во имя не только физического, но и идеологического и духовного выживания и самосохранения стала следствием специфики социального и культурного развития России. На формирование характера русского человека большое влияние оказала географическая среда: с момента зарождения российского государства его территория постоянно расширялась за счет освоения все новых земель. Это выработало в русских легкость к перемещению мест, быстрое привыкание к этнически чуждой среде.

Социологические исследования последних лет показывают [12, с. 127], что русские люди больше всего ценят в себе готовность переносить трудности и испытания; готовность к защите Отечества любой ценой. Ценят славное прошлое, героическую историю, волю к свободе, независимости; национальное единство, сплоченность. Очевидно, что русскую национальную идею как выражение определенной культурной преемственности,

духовного единства всех социальных групп, слоев, нельзя искусственно изобрести и навязать сверху обществу в качестве универсального средства выхода из системного кризиса. Она сама формируется в многовековой традиции уважения высших ценностей в русской культуре, получившей мировое признание, начиная с творческих вершин великих русских мыслителей, одним из которых был В. С. Соловьев.

Литература

1. Соловьев В.С. Письма. СПб., 1911. - Т. 3.
2. Соловьев В.С. Собр. соч.: В 10 т. СПб., 1911-1913. - Т. 1.
3. Соловьев В.С. Собр. соч. В 10 т. - Т. 2.
4. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соч. В 2 т. - М., 1988.
5. Соловьев В.С. Русская идея // Соч. В 2 т. - Т.2.
6. Там же. Т. 1.
7. Там же. Т. 2.
8. Там же. Т. 1.
9. Чичерин Б. Н. Мистицизм в науке. М., 1880.
10. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
11. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Вл. Соловьева. М., 1913.
12. Мадатов А.С., Сауляк В.Е. Ценности и особенности российского менталитета // XXI век: будущее России в философском измерении. Второй Российский философский конгресс. В 4 т. - Екатеринбург, 1999. - Т. 4.